

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

0

ПОКОЙНОМЪ ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ НАСЛѢДНИКЪ (*).

Россія скоро приметъ смертные останки Того, Кому не суждено было надъ нею царствовать. На чужой землѣ, далеко отъ любимой родины, подъ южнымъ небомъ, угасть Наслѣдникъ русскаго престола. Не болѣе года тому назадъ, веселый и бодрый, отправился Онъ въ заграничное путешествіе, обрѣлъ невѣсту, какою только могъ желать; но, вмѣсто счастливаго возвращенія и радостной свадьбы, Онъ находитъ на родной почвѣ послѣднее земное жилище. Смерть давно уже, незамѣтно даже для опытнаго взора, таилась подъ цвѣтомъ молодости, подъ блестящими надеждами, и сразила свою жертву нежданно и неожиданно. Молодая невѣста обняла нарѣченнаго жениха уже на смертномъ одрѣ, увидѣла бездыханный его трупъ. Мечты, ожиданія, все, наполнявшее сердце радостью, исчезло какъ сонъ.

Этотъ ударъ тяжело отзовется въ отечествѣ. Россія знала Великаго Князя. Два раза Онъ путешествовалъ внутри, въ особенности по приволжскому краю, о которомъ всегда вспоминалъ съ особенною любовью. Послѣднее Его путешествіе сопровождалось необъятнымъ восторгомъ; это было непрерыв-

(*) • Русскій Инвалидъ, № 88-й 1865 г.
Т. XLIII. Отд. III.

ное торжество. Россія привѣтствовала въ Немъ свое будущее, свои надежды и могла любоваться Имъ отъ полноты сердца. Самая наружность Великаго Князя невольно привлекала къ Нему всѣхъ. Высокій ростъ, тонкія, пріятныя черты, красивый лобъ, большіе, прекрасные глаза, съ умнымъ, яснымъ, привѣтливымъ взоромъ, изящество формъ, какая-то юношеская прелесть, которою дышало все Его существо, съ перваго взгляда располагали въ Его пользу. Россія могла угадывать въ Немъ и высшія качества ума и сердца; но, въ сущности, Его знали по наружности, но слышавъ, и только тѣ, которые видѣли Его изблизи, которые знали, какіе запасы будущаго добра таились въ молодой душѣ, могутъ вполнѣ оцѣнить всю глубину, всю горечь этой утраты.

Великій Князь былъ человекомъ далеко не рядовой: это была натура тонкая и возвышенная, способная возбуждать не только живое сочувствіе, но и горячія привязанности. Ширина мысли и всѣ оттѣнки чувства были Ему доступны. Онъ рано началъ думать и рано, по собственному побужденію, захотѣлъ стать на ту высоту, которая требовалась Его положеніемъ. Счастливая обстановка въ особенности въ послѣдніе годы Его жизни помогала воспримчивой природѣ. Въ 1859 году къ Немъ назначенъ былъ попечителемъ графъ С. Г. Строгоновъ, котораго Россія помнитъ добрымъ словомъ и за прежнюю его дѣятельность въ Московскомъ университетѣ, и за новыя его попеченія о Царскомъ Первенцѣ, за которыми онъ слѣдилъ съ отцовскою твердостью и съ материнскою заботливостію. Наслѣдникъ всегда говорилъ о времени, когда поступилъ къ нему графъ Строгоновъ, какъ о самой свѣтлой порѣ Своей жизни. Передъ Нимъ открылся новый міръ; Онъ сошелся съ свѣжими людьми, научился любить и уважать мысль, науку, просвѣщеніе. Преподаватели могутъ засвидѣтельствовать, какъ быстро шло Его развитіе, и сердце билось отъ радости, когда приходилось слушать, какъ ясно, прелѣдовательно, отчетливо, изящно Онъ излагалъ даже ходъ философской мысли, къ чему мѣнѣе всего располагала Его природная наклонность. Въ 20-лѣтнемъ юности изумительны были спокойствіе ума и здравый смыслъ, съ которыми Онъ отыскивалъ существенное въ каждомъ вопросѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, нѣрѣдко ошибался въ Своихъ сужденіяхъ; кто много и часто не ошибается въ Его годы? Но Онъ ошибался, какъ человекъ здравомыслящій и просвѣ-

цанный; Я хоту похвастаться только однимъ — поверить Онѣ — тѣмъ, что у меня нѣтъ никакихъ предубытковъ мыслей. Это: швабское, что я вынесъ изъ Своего воспитанія, и въ Мою жизнь не жажу это, можетъ быть, всего важнѣе.“ И точно, несообразныхъ съ дѣломъ или странныхъ сужденій ниго отъ Него не могу слышать. Природа одарила Его способностью распознавать ложь и пустоту, мѣтко останавливаясь на твердыхъ точкахъ; новое развитіе даю. Ему возможность освободиться отъ узкихъ предубытковъ, выйти на широкую дорожку, провидящую вгору въ все области человѣческой мысли и дѣятельности. И въ этомъ обширномъ прострѣжѣ Онѣ являлся самообытнѣе. Это былъ не одинъ дѣлъ тѣхъ энергическихъ, изыскующихъ умовъ, которые навядутъ новыхъ знаній и неудержимо стремятся къ изслѣдованію всякаго дѣла. Исная, спокойная природа скорѣе выжидала впечатлѣній; казалось, иногда мысль сподѣлка по Немъ, не западая глубоко. А между тѣмъ: ничто не проходило безслѣдно, все незамѣтно воспринималось, все втайнѣ выработывалось и зрѣло въ молодой душѣ. Чуждыя вліянія мчезали, собственныя сужденія крѣпли. Въ послѣдніе годы, среди волнений и испытаній, постигшихъ отечество, исчезли и тѣ ребячески-либеральныя выходы, которыя такъ естественны, даже такъ необходимы въ молодые годы; онѣ замѣнились болѣе твердымъ и просвѣщеннымъ либерализмомъ. По натурѣ, по складу ума, еочувствую движению, прогрессу, Онѣ осуждалъ одвано всякія революціонныя стремленія и неумѣренныя или несвоевременныя требованія. Въ особенности все, что могло ослабить Россію или повредить ей, отвергалось. Идѣ безусловно, Россію Онѣ любилъ горячо, всѣмъ сердцемъ.... Путешествуя за границею, Онѣ безпраривно возвращаясь къ ней Своею мыслію и говорилъ: „Когда Я вижу что-нибудь хорошее, Мнѣ всегда кажется, что въ этомъ есть что-то русское“. Онѣ въ невѣстѣ Своей видѣлъ русское лицо и русскій характеръ. Онѣ любилъ родную природу, равнины, любилъ честную, преданную, мужественную натуру русскаго солдата, русскаго моряка. Къ флоту Онѣ питалъ особенную привязанность. Онѣ съ дѣтства имѣлъ страсть къ морю и Самъ охотно управлялъ паруснымъ судномъ. Онѣ старался даже воздерживаться отъ этой страсти, чтобы не впасть въ одно-стороннее направленіе. Русскую исторію Онѣ зналъ лучше всякой другой науки и предлагался передъ великими личностями Петра и Енаторины.

... Съ серьезнымъ и твердымъ умомъ, съ торжественъ чувствомъ назидательнаго соединилась удивительная зрѣлость нравственныхъ началъ и религиозныхъ убѣжденій. Нравственныя побужденія всегда стояли у Него на первомъ планѣ. Когда заходила разговоръ о неизвѣстномъ Ему лицѣ, первый Его вопросъ всегда былъ: „дорогой ли онъ человѣкъ?“ Это у Него обратилось даже въ привычку, это слово всегда вертѣлось у Него на языкѣ. Во имя нравственныхъ качествъ, Онъ охотно прощалъ другіе недостатки и, напротивъ, являлся неумолимымъ ко всякому отступленію отъ нравственныхъ требованій. Малѣйшую неправду Онъ осуждалъ со всею пылкомъ чистой души, со всею рѣзкостью двадцатилѣтняго возраста. Опытъ впоследствии смилчаль бы Его сужденія, научивши Его, что въ людяхъ чаще всего добро перемѣшивается со зломъ. Но благородное негодование молодой души всегда служитъ признакомъ возвышенной природы. Въ особенности Онъ ненавидѣлъ всякое подобострастіе; оно внушало Ему отвращеніе. Онъ презиралъ поншья натуры; Онъ требовалъ, чтобы человѣкъ былъ честнымъ, искреннимъ, правдивымъ, и не только умѣлъ цѣнить, но и любить людей, въ которыхъ замѣчалъ эти качества.

... Въ религіи вѣрованія Его были непоколебимы, а между тѣмъ въ Немъ не было и тѣни узности или фанатизма. Это была, можетъ быть, самая замѣчательная черта Его характера. Въ двадцатилѣтнемъ юношѣ трудно найти такую сознательную крѣпость убѣжденій въ соединеніи съ такою широкою терпимостію. Онъ зналъ всѣ существенныя возраженія противъ христіанства, но твердо и мѣтко умѣлъ опровергать ихъ, указывая и на требованія человѣческаго сердца и на права человѣческой свободы. Онъ горячо вѣрилъ, усердно исполнялъ обряды своей церкви, но все это дѣлалъ сознательно и спокойно, никогда не видя камня въ чужую совѣсть.

... Нужно ли говорить, что сердце у Него было золотое? Тѣ, которые снаружи смотрѣли на Его натуру, мало способную къ увлеченію, могли иногда въ этомъ сомнѣваться. Онъ Самъ Себя считалъ человѣкомъ безстрастнымъ, хотя вовсе не былъ лишенъ не только теплоты, но и священнаго огня. Но, вглядываясь ближе, особенно въ Его частныя отношенія, легко было распознать, каковы были свойства этого сердца, не порывистаго, но одареннаго удивительнымъ чутьемъ; необыкновенною тонкостію ощущеній. Его теплое отношеніе къ окружающей средѣ,

Его неизмѣнная деликатность, Его милая ласка, Его почти женская нѣжность къ близкимъ. Ему людямъ обличали душу, исполненную кротости и любви. У Него были черты дѣтской простоты сердца. Онъ на лицѣ любимаго человѣка выбиралъ себѣ мѣсто, въ которое одинъ имѣлъ право его цѣловать. Онъ любилъ всякую привычку, въ которой отражалась прелесть домашней жизни и дружескаго круга. Онъ дѣлѣлъ всякое воспоминаніе, связанное съ сердечнымъ ощущеніемъ, и возвращался къ нему часто и съ теплымъ чувствомъ. Онъ въ двадцать лѣтъ, не только любилъ дѣтей, но умѣлъ внушить имъ къ Себѣ привязанность. Онъ былъ рожденъ для семейнаго счастья, и, казалось, все Его къ этому готовило. Съ колыбели не зналъ Онъ горя, дѣтство протекло безмятежно; на первыхъ порахъ юности встрѣтился Онъ съ самою чистою любовью; жизнь открывалась Ему во всей своей красотѣ, и Онъ вполнѣ ею наслаждался. Прежде, нежели Его сразила болѣзнь, нельзя было надобоваться на Его дѣтскую рѣзвость, на Его беззаботную веселость, на Его престодушную непринужденность въ обращеніи, на ту наивную радость, которую доставляли Ему новыя мѣста, новое платье. Это сочетаніе милыхъ, ребяческихъ свойствъ, истекающихъ изъ дѣвственной природы, съ крѣпкими и серьезными основами ума и сердца, придавало всей его личности удивительное обаяніе и привлекательность. Около Него было и тепло, и свѣтло, и свободно. Онъ создавалъ вокругъ Себя нравственный міръ; въ которомъ былъ естественнымъ центромъ, невольно притягивающимъ къ Себѣ сердца.

Скажутъ; можетъ быть, что это идеальный образъ, начертанный подъ впечатлѣніемъ недавней утраты. Неужели же у Него не было недостатковъ? Недостатки! у кого ихъ нѣтъ? У Него было самолюбіе, но оно побуждало Его работать, идти впередъ, становиться на подобающую Ему высоту. У Него иногда проявлялось и тщеславіе. Но Онъ такъ мило сознавался въ Своихъ недостаткахъ, такъ искренно старался въ нихъ исправиться, что они составляли не болѣе, какъ тѣнь, которая еще ярче выставляла свѣтлую картину. „Я прежде любилъ иногда пускать пыль въ глаза—говорилъ Онъ—не просто—это дѣлаютъ только дураки—а разными манерами. Но Дмитрій Борисовичъ (*) совсѣмъ почти Меня отъ этого отучилъ.“

(*) Рихтеръ, который болѣе шести лѣтъ безотлучно при немъ находился и къ которому Наслѣдникъ питалъ самую вѣрную привязанность.

Да, это было свѣтлое явленіе въ русской жизни. Мы могли гордиться Имъ передъ лицомъ всего міра, мы могли пѣть въ Немъ свои мечты, свои надежды, все, за что бьетъ сердце каждаго русскаго человѣка: будущее величіе, славу, благоденствіе Россіи. Въ переходныя эпохи, въ трудныя годы переломовъ и испытаній, когда жизнь на каждомъ шагѣ представляетъ громадныя задачи и почти неодолимыя трудности, человѣкъ невольно обращается мыслію къ болѣе ясному будущему; онъ ищетъ утѣшенія въ идеальномъ представленіи той поры, когда будутъ пожинаться плоды настоящихъ трудовъ. И когда это свѣтлое будущее, когда великая идея отечества воплощается въ образъ привлекательнаго юноши, на котораго въ радостномъ ожиданіи обращаются взоры милліоновъ людей, когда мечта такимъ образомъ становится видимою, осязательною, облеченною въ самыя прекрасныя формы, тогда за этого человѣка можно положить всю свою душу. Въ жизни человѣческой нѣтъ и не можетъ быть предмета, болѣе способнаго возбудить самую чистую, возвышенную и пламенную любовь. Это чувствуетъ каждое русское сердце. Но когда всѣ эти мечты, надежды исчезаютъ какъ дымъ, разлетаются въ одно мгновеніе, когда юноша падаетъ въ цвѣтъ жизни, на порогѣ счастья, что остается человѣку? Язычникъ преклонялся передъ неумолимою рукою завистливаго рока, сражающаго все лучшее на землѣ: молодость, красоту, счастье, надежды; христіанинъ, согбенный ударомъ, видитъ въ немъ неисповѣдимые пути Провидѣнія.

В. ЧИЧЕРИНЪ.

Ницца, 13-го апрѣля 1865 г.